

Неразлучники

Наталия Бабиченко-Павлова

— & ♥ —

Наталия Бабиченко

Неразлучники

«Автор»

2026

Бабиченко Н. В.

Неразлучники / Н. В. Бабиченко — «Автор», 2026

«Неразлучники» — тёплая семейно-молодёжная повесть о пятерых однойцевых близнецах Звонарёвых, которые с самого рождения меняют жизнь своих родителей. Молодые супруги Семён и Забава только учатся быть семьёй, когда узнают, что ждут не одного ребёнка, а сразу пятерых сыновей. С появлением деятельной тётушки Аглаи и чёрного кота Мухтара их дом превращается в место шумных переполохов, смешных ситуаций и маленьких чудес. Братья растут внешне одинаковыми, но каждый раскрывается как отдельная личность. Их сходство становится источником шалостей, семейного юмора и неожиданных приключений, а со временем — настоящей силой сплочённой команды. Повзрослев, Звонарёвы сталкиваются с выбором будущего, испытаниями, службой и ответственностью за других. Это история о семье, братстве, доброте, любви к Родине и таланте, который по-настоящему раскрывается, когда служит не только себе, но и людям.

© Бабиченко Н. В., 2026

© Автор, 2026

Наталья Бабиченко

Неразлучники

Неразлучники

Наталья Бабиченко-Павлова

Полная рукопись

Содержание

Часть 1 5

- Глава 1. Утро, пахнущее блинами 6
- Глава 2. Первый привет 10
- Глава 3. Мама не приедет 16
- Глава 4. Семейная мобилизация 19
- Глава 5. Тётушка Аглая 20
- Глава 6. Ковёр, кот и родовая сила 24
- Глава 7. Потайной люк 28
- Глава 8. Домашняя магия 32
- Глава 9. Гроза над домом 36
- Глава 10. Пять голосов 42
- Глава 11. Дом для пятерых 47
- Глава 12. День выписки 52
- Глава 13. Порог новой жизни 56
- Глава 14. Имена, данные свыше 60
- Глава 15. Двенадцать лет спустя 65
- Глава 16. Пять характеров 66
- Глава 17. Новый директор 78
- Глава 18. Ответный удар 82
- Глава 19. Переговоры 84
- Глава 20. Перемирие 88
- Глава 21. Шесть лет спустя 95
- Глава 22. Пять дорог 97
- Глава 23. День аттестатов 103
- Глава 24. Взрослое решение 106
- Глава 25. Пятерня, вперёд! 111

Часть 2 115

- Глава 26. У порога службы 116
- Глава 27. Пять одинаковых форм 121
- Глава 28. Когда уходят автобусы 128
- Глава 29. Дорога в Ковров 135
- Глава 30. Неразлучники 140
- Глава 31. Первое испытание 145
- Глава 32. Папка «Звонарёвы» 150
- Глава 33. Кабинет с картой 156
- Глава 34. Имя, ставшее судьбой 162
- Глава 35. Южное направление 168
- Глава 36. Дорога закончилась 174
- Глава 37. След в след 181

Глава 38. Пятеро вместе	186
Глава 39. Римская пятёрка	191
Глава 40. Глаза над полем	199
Глава 41. Ночной доклад	208
Глава 42. Пять маленьких жизней	213
Глава 43. Слепой нос в ладони	218
Глава 44. Первая награда	223
Глава 45. Пятёрки возвращаются домой	232
Глава 46. Родник	237
Глава 47. Центр доложил	242
Глава 48. Новый год	248
Глава 49. Дом снова стал домом	257
Глава 50. Предназначение	263

Часть 1

Глава 1. Утро, пахнущее блинами

Февральское субботнее утро было по-особенному недружелюбным.

За окном выжило и подвывало так, будто зима решила не просто напомнить о себе, а лично поскандальить с каждым жителем района. Стёкла в старых оконных рамах дребезжали, батареи ворчали, ветер шаркал по подоконнику снежной крупой, а двор из окон первого этажа девятиэтажного дома в спальном районе Москвы выглядел так, словно его за одну ночь пытались превратить в безмолвную снежную даль.

На кухне, в пижаме со смешными смайликами, в пушистых тапочках-зайчатах с ушками, у плиты колдовала молодая девушка лет двадцати. Маленького роста, хрупкая, с длинными светлыми косичками, заплетёнными на скорую руку, она выглядела так, будто её только что вытащили из мягкого тёплого сна и без предупреждения поставили командовать завтраком.

Звали её Забава.

Имя подходило ей удивительно точно. В Забаве и правда было что-то лёгкое, солнечное, немного сказочное. Только в это утро сказка упрямо не задавалась.

На плите сердито шипела сковородка. Рядом засвистел чайник. В этот самый момент Забава попыталась перевернуть блин, но блин, будто обладая собственным характером, скрутился комом, прилип к лопатке и отказался признавать над собой власть хозяйки.

— Ну пожалуйста... — прошептала Забава с такой мольбой, словно просила не блин, а судьбу.

Судьба ответила ей запахом подгоревшего теста.

Блин соскользнул, сложился гармошкой, и это было его окончательное решение.

Всё бы ничего, как говорится в известной поговорке: первый блин комом. Но проблема заключалась в том, что этот блин уже четвёртый.

Забава несколько секунд смотрела на него с оскорблённым достоинством, потом торжественно отправила вслед за предыдущими тремя — в мусорное ведро.

— Завтрак, — сказала она сама себе, — это не моё.

Девушка вылила в раковину остатки теста, выключила чайник и поставила его посреди стола. Рядом легли чайные пакетики и сахарница. Получилось почти красиво. Почти — потому что из-под клеёнки проглядывал старый стол с потёртыми краями, а на подоконнике всё ещё лежала отвёртка, оставшаяся после вчерашней неудачной попытки починить ручку окна.

Квартира, доставшаяся молодожёнам от бабушки, была просторная, четырёхкомнатная, с высокими потолками и длинными коридорами, в которых по ночам можно было заблудиться

не только человеку, но и собственным мыслям. Ремонт в ней требовался такой срочный, что стены периодически издавали характерное потрескивание.

Забава открыла холодильник.

Картина внутри была не богаче, чем за окном.

Пара заветренных сосисок. Кусок масла. И пустота. Большая семейная пустота, в которой пока ещё не поселились ни кастрюли с борщом, ни домашние котлеты, ни уверенность в завтрашнем дне.

В кулинарном искусстве девушка ещё явно не достигла вершин мастерства. Руки не слушались, мысли путались, а бутерброд, намазанный маслом, вдруг выскользнул из пальцев и, как положено всем бутербродам в минуты трагедии, приземлился на пол маслом вниз.

Забава замерла.

Подумав несколько секунд, подняла его двумя пальцами, критически осмотрела, переложила на тарелку той стороной, которая пострадала меньше, и крикнула:

— Семён! Завтрак готов!

В кухню вошёл молодой человек, на ходу протирающий очки краем футболки. Он быстро надел их обратно, моргнул и бегло оглядел стол.

На столе стоял чайник. Лежали чайные пакетики. Сахарница. Тарелка с одиноким бутербродом, пережившим падение. И всё.

А пахло почему-то блинами.

Семён втянул воздух носом.

— А... блины? — осторожно спросил он.

Забава бросила взгляд в сторону мусорного ведра.

— Блины не выдержали семейной жизни.

Семён вздохнул. Не обиженно, а скорее философски. Так вздыхает человек, который привык, что завтраки, обеды и ужины в его жизни появляются сами собой, вовремя, сбалансированно и желательно с учётом потребностей мозговых клеток.

Семёну исполнилось двадцать девять. Молодой человек подавал большие надежды в области научных разработок, был автором нескольких изобретений, которые уже внедрялись в массовое производство. Он занимал должность научного сотрудника лаборатории инженерной генетики при НИИ перспективных технологий, а по совместительству вот уже целый месяц являлся новоиспечённым мужем Забавы.

В семейную жизнь они вошли неожиданно для самих себя — примерно таким же вихрем, какой сейчас завывал за окном. Ещё недавно они были просто Семён и Забава: он — умный, рассеянный, с вечными формулами в голове; она — красивая, избалованная, лёгкая, привыкшая, что мир в основном добр и обязан быть удобным. А дальше случилось то, после чего взрослые люди начинают говорить серьёзными голосами, родители хватаются за сердце, а молодые пары вдруг обнаруживают, что слово «семья» — это не только красивые фотографии и кольца.

Семён, как честный человек, исполнил свой долг так, как, по его мнению, и подобает порядочному мужчине: женился.

Родители обоих были в шоке.

Забава — единственный ребёнок в семье, выращенный в парниковых условиях, лишённых проблем, суеты и какого бы ни было негатива в любом проявлении. Она росла в любви, заботе и мягкой уверенности, что жизнь должна приносить исключительно удовольствие. Ей прощали капризы, покупали дорогие вещи, не обременяли домашними заботами, считая, что их девочка создана скорее для счастья, чем для кастрюль.

И вдруг эта мамина радость оказалась поставлена перед фактом, что скоро сама станет мамой.

Семён был старшим ребёнком в семье, где кроме него росли три младшие сестры. Казалось бы, жизнь должна была научить его всему: менять памперсы, разогревать кашу, убаюкивать младенцев, делить яблоко на четыре части и не сходить с ума от детских криков. Но родители берегли его тонкую научную душевную конструкцию.

Семён подавал слишком большие надежды в области инженерии и генных технологий, чтобы отвлекать его на какие-то жизненные мелочи вроде мытья посуды, уборки или присмотра за детьми. Это считалось почти кощунством.

— Не трогайте Семёна, — говорила его мама. — У него мозг работает.

С детства Семёну внушали: он не просто мальчик, он семейная надежда. Козырная карта. Будущий человек науки. Тот самый ребёнок, который однажды принесёт в дом не только гордость, но и, условно говоря, золотые яйца, как минимум завёрнутые в нобелевскую премию.

Тем более что родословная обязывала.

В семье Звонарёвых любили повторять, что по одной из старых родовых линий Семён был праправнуком великого инженера и изобретателя, человека, подарившего миру иконоскоп, кинескоп и саму идею электронного телевидения. В их доме телевизор был не просто бытовой техникой, а семейной реликвией. На него не ставили чашки, не били по крышке, когда он плохо показывал, и уж тем более не называли «ящиком».

— У тебя гены изобретателя, — говорил Семёну отец.

Семён вырос с твёрдым ощущением, что он предназначен для открытий. Правда, вместо телевидения его увлекла другая область: он хотел понять не то, как передать изображение на экран, а как прочесть и изменить невидимую инструкцию внутри живой клетки. Родители сначала не совсем поняли, чем иконоскоп хуже ДНК, но спорить не стали. Главное, что звучало серьёзно, научно и многообещающе.

И вот теперь этот многообещающий человек науки стоял на кухне в старой бабушкиной квартире и смотрел на бутерброд, который, кажется, уже пережил больше потрясений, чем он сам за весь месяц брака.

Ни Семён, ни Забава не были готовы к семейной жизни от слова совсем.

Свадьбу сыграли скромную. Без голубей, лимузинов и тамады с конкурсами. Родители вздохнули, перекрестились каждый по-своему и вручили молодым ключи от бабушкиной квартиры.

Со свадьбы прошёл месяц, но семейная жизнь всё ещё казалась им не настоящей, а какой-то репетицией. Они вроде бы были мужем и женой, но каждое утро встречались на кухне с лёгкой неловкостью, как случайные командировочные, которых по ошибке поселили в один номер.

Глава 2. Первый привет

Ровно в 15:30 молодая семья Звонарёвых ожидала своей очереди у кабинета УЗИ.

Забава стояла у двери, сцепив пальцы на животе. Животик был ещё небольшой, но уже явный, округлый, важный. Такой, который невозможно было спрятать ни под свободной кофтой, ни под собственным волнением.

Семён присел на краешек скамейки и корпел над нетбуком, быстро щёлкая по клавишам. На экране бежали формулы, графики и какие-то таблицы, которые, по мнению Семёна, в перспективе должны были спасти человечество.

Забава покосилась на мужа.

— Семён...

— Угу, — не отрываясь от экрана, ответил он.

— Мы вообще-то на УЗИ.

— Угу.

— Первое УЗИ.

— Угу.

— Нашего ребёнка.

— Сейчас, секундочку... тут коэффициент не сходится.

— Вам назначено? — из кабинета показалась милая голова медсестры с рыжими волосами и лицом, усыпанным веснушками.

Забаву быстро кивнула.

— Да. На пятнадцать тридцать.

— Проходите.

Девушка сделала шаг, потом вдруг остановилась на пороге. Казалось, ей нужно было обратиться с силами, как перед прыжком в холодную воду. Она переминалась с ноги на ногу, глубоко вдохнула и только после этого вошла.

Семён машинально поднялся за ней. Нетбук он, конечно, не закрыл. Просто прихватил его с собой, будто в кабинет шёл не будущий отец, а сотрудник секретной лаборатории, которого оторвали от важнейшего открытия ради мелкой бытовой процедуры.

В кабинете было просторно. У стены стоял аппарат УЗИ с монитором, рядом кушетка, стул, шкафчик и письменный стол, заваленный картами.

За столом сидел врач — полноватый мужчина лет сорока пяти, невысокого роста, с живыми глазами и голосом, который сразу занимал всё пространство кабинета.

Он принадлежал к тем людям, которые не любят тратить ни своё время, ни время пациентов на глупости вроде долгих предисловий, чрезмерного заполнения бумаг и вопросов из серии «а что вы чувствуете по этому поводу?». Он любил конструктивность. Всё лишнее, по его мнению, можно было оставить психологам, родственникам и соседкам на лавочке.

— Так, молодые люди, здравствуйте, — бодро сказал доктор. — Первое УЗИ по беременности?

— Да, — тихо ответила Забава.

— Отлично. — Глаза его загорелись: он любил впитывать первую эмоцию будущих родителей. — Проходите, милочка, ложитесь. Сейчас посмотрим, кто у нас там устроился.

Семён сел на первый попавшийся стул у стены, поставил нетбук на колени и снова уткнулся в экран.

Доктор заметил это и звонко рассмеялся.

— Молодой человек, не надо скромничать. Проходите к монитору. Папы тоже имеют право участвовать в исторических событиях.

Семён поднял глаза.

— Я не скромничаю.

— Тем более проходите.

Семён послушно пересел ближе, но вид у него был такой, будто его внезапно пригласили не к монитору, а на защиту чужой диссертации.

Врач ловко заполнил карту, что-то уточнил, довольно крякнул, взял тубик с гелем и смачно, от души, щедро выдавил холодную прозрачную массу прямо на живот Забавы.

— Ой! — вздрогнула она.

— Терпим, милочка, терпим. Наука требует жертв. А медицина — геля.

Забаву попыталась улыбнуться, но сердце у неё билось так сильно, что улыбка получилась растерянной. Она лежала почти не дыша, с замиранием ожидая того самого момента, когда на экране появится её малыш. Один. Единственный. Маленький. Настоящий.

Доктор взял ультразвуковой датчик и начал водить им по животу.

— Так, по срокам у нас восемнадцатая неделя... Сейчас посмотрим...

Он улыбнулся, продемонстрировав поднятый вверх большой палец, словно, почувствовав волнение будущей мамочки, хотел поддержать её, пообещав, что всё будет хорошо. Забава мысленно подумала, что при входе в больницу на баннере сегодня она уже видела этот жест.

«Класс» показывал мужчину из рекламы быстрозайма. Что-то в этой ассоциации подсознательно насторожило девушку.

Но уже через пару секунд улыбка доктора изменилась.

Сначала она просто стала меньше.

Потом совсем исчезла.

Он чуть подался вперёд, нахмурился и начал водить датчиком медленнее. Потом ещё медленнее. Его глаза прищурились, взгляд стал острым, сосредоточенным, почти спортивным — будто на мониторе шёл футбол на последней минуте матча, счёт был 1:1, а мяч завис где-то у ворот.

Забава перестала дышать окончательно.

— Что-то не так? — прошептала она.

Доктор не ответил.

Семён в этот момент всё ещё смотрел не на монитор, а на свой нетбук.

— Угу, — сказал он сам себе, видимо, найдя ошибку в формуле.

Доктор несколько раз поменял положение датчика, нажал кнопки на аппарате, посмотрел на Забаву, потом на Семёна, который так ни разу и не взглянул на экран, и снова на Забаву.

— Тут такое дело... — осторожно произнёс он.

Забаву похолодела.

— Какое?

— Э-э-э... такое дело... В общем, в моей практике такое впервые.

Семён, не понимая, что от него требуется живое участие, снова машинально кивнул.

— Угу.

Доктор откашлялся.

— У вас однойцевая пятерня.

В кабинете повисла тишина.

Такая плотная, что в ней можно было услышать, как где-то в коридоре скрипнула дверь.

Забаву моргнула.

— А-а-а...

Она смотрела на доктора совершенно непонимающим взглядом. Слова вроде были знакомые. «Однойцевая» — понятно. «Пятерня» — вроде тоже понятно. Но вместе они отказывались складываться в смысл, который мог относиться лично к ней.

Доктор понял, что момент требует пояснений. Он встал, заложил руки за спину и начал ходить от одной стены кабинета к другой, словно читал лекцию студентам.

— Обычно, милочка, всё происходит так: одна яйцеклетка, один сперматозоид, получается одна зигота. Из неё развивается один эмбрион.

Он посмотрел на Забаву.

Забаву смотрела на него так, как смотрят на человека, который внезапно начал говорить на древнешумерском языке.

— Эмбрион, — мягче пояснил доктор, — это будущий малыш.

— А-а, — выдохнула Забава.

— Так вот. В вашем случае зигота была одна. Но потом, по причинам крайне редким и, я бы даже сказал, удивительным, вместо одного эмбриона получилось пять.

Он сделал паузу.

— Пять малышей.

Семён снова кивнул.

— Угу.

Он сказал это просто, чтобы хоть как-то участвовать в разговоре, потому что по интонации доктора понял: происходящее, вероятно, важно.

И только через несколько секунд смысл сказанного наконец дошёл до Забавы.

Её глаза расширились.

Губы дрогнули.

Она медленно повернула голову к Семёну, потом обратно к доктору, потом снова к Семёну.

— Пять? — выдавила она.

— Пять, — подтвердил доктор.

— Детей?

— Да.

— Во мне?

— Совершенно, верно.

И тогда Забава схватилась за голову, закрыв руками уши, словно отказывалась услышать сказанное. Из тела Забавы вырвался оглушительный душераздирающий крик.

Медсестра за дверью тут же влетела в кабинет со стаканом, наполненным водой. Иногда случалось так, что пациенткам во время УЗИ требовалась вода, но такой крик медсестра слышала впервые. А Семён наконец отложил нетбук и первый раз за всё время посмотрел на жену с настоящим интересом.

— Что случилось? — спросил он.

Забава попыталась ответить, но не смогла. Рот открывался, закрывался, слова не выходили. Она только мычала, махала рукой в сторону монитора и смотрела на мужа так, будто он обязан был немедленно всё понять, отменить и вернуть обратно.

Медсестра быстро сунула стакан воды Семёну.

— Дайте жене.

Семён взял стакан.

В этот момент доктор философски произнёс:

— Да-а... Редкий случай. Пятеро малышей сразу. Да ещё и из одной яйцеклетки.

Рука Семёна дрогнула. Вода плеснула через край стакана.

Он медленно повернулся к доктору.

— Пятеро?

— Пятеро.

— Из одной?

— Из одной.

Семён посмотрел на стакан, потом на жену, потом снова на доктора. После этого, не отдавая себе отчёта, жадно выпил всю воду из стакана.

Медсестра возмущённо уставилась на него.

— Это вообще-то жене!

Семён моргнул.

— Простите. У меня... обезвоживание мышления.

Медсестра выхватила у него пустой стакан и побежала за новой водой.

Когда все немного пришли в себя, Забава, всё ещё бледная, но уже способная дышать, снова устроилась на кушетке. Семён сел ближе к монитору. Нетбук был забыт. Человечество впервые за долгое время было отодвинуто на второй план.

Доктор снова взял датчик.

— Так, смотрим внимательно. Вот один.

Он показал пальцем на экран.

— Вот второй. Третий. Четвёртый. И... вот пятый.

Забава смотрела на монитор как замороженная. Чёрно-белая картинка была непонятной, смазанной, странной, но вдруг стала самым важным изображением в её жизни.

Пять.

Их было пять.

Пять крошечных существ.

Пять будущих голосов.

Пять кроваток, пять чашек, пять пар носков, пять характеров, пять судеб.

Доктор улыбнулся.

— А пятый-то самый бойкий. Смотрите, как ногами всех расталкивает. Ну точно босс.

И в эту самую секунду Забава резко вскрикнула и схватилась за бок.

— Ой! — Семён подскочил.

— Что? Что случилось?

Забава замерла. Лицо её изменилось. Испуг в глазах медленно уступил место чему-то совсем другому — удивлению, нежности, недоверию.

— Он... — прошептала она. — Они...

Она положила ладонь на живот.

Там, внутри, кто-то впервые заявил о себе по-настоящему. Не на экране. Не словами доктора. Не медицинскими терминами.

А лёгким, но совершенно явным движением.

Первое шевеление.

Первый привет.

Первый толчок однойяйцевой пятерни, который Забава почувствовала так отчётливо, будто малыши впервые дали ей знак особого приветствия, «мама, мы здесь, мы с тобой и нас с тобой теперь шестеро», но на самом деле это маленький будущий босс уже стучал изнутри и требовал прекратить вторжение в личное пространство и запретить фото-видеофиксацию без письменного разрешения всех присутствующих.

Глава 3. Мама не приедет

Домой они возвращались молча.

Семён задумчиво рулил, крепко вцепившись в руль обеими руками. Лицо у него было сосредоточенное, почти научное, будто он не машину вёл по заснеженной Москве, а пытался в уме вывести формулу, объясняющую, каким образом именно у них из одной яйцеклетки получилось сразу пять будущих Звонарёвых.

Молчание в салоне было густым.

Такое молчание бывает после новостей, которые не укладываются в голове.

Забава сидела рядом, прижимая ладонь к животу. Иногда ей казалось, что внутри опять кто-то шевельнулся. А может, ей только казалось. Теперь она уже не знала, где заканчивается её собственный страх и начинается их новая жизнь.

— Семён, — тихо сказала она.

— Угу, — отозвался он.

— Ты поворот проехал.

Семён моргнул, посмотрел в зеркало, потом на дорогу, потом снова в зеркало.

— Да. Вижу.

— Мы теперь куда едем?

— Судя по всему, на второй круг.

Забава не выдержала и коротко, нервно рассмеялась. Смех тут же оборвался. Ей вдруг стало страшно. Очень страшно. До тошноты, до слёз, до детского желания, чтобы кто-нибудь взрослый пришёл и сказал: «Не бойся, я всё решу».

Взрослым человеком в её жизни всегда была мама.

Забава достала телефон и набрала номер.

Гудки тянулись долго. Слишком долго.

Наконец в трубке послышался звонкий, взволнованный и совершенно не домашний мамин голос:

— Алло, доченька, привет!

Голос был бодрый, быстрый, с каким-то шумом на заднем плане. Не кухонным шумом, не привычным звоном чашек и не маминым телевизором, а чужим, гулким, суетливым.

— Мам... — начала Забава и сама не узнала свой голос.

Надо сказать, что мама Забавы после развода с её отцом неожиданно ушла в отрыв от семейных хлопот. И сделала это, как назло, совсем не вовремя.

Раньше мама жила дочерью без остатка. Она предугадывала все её желания ещё до того, как дочь о чём-то попросила. Покупала ей любимые пирожные, гладила вещи и вывешивала их в шкафу ровными рядами, уже подобрав луки на несколько дней вперёд, звонила по пять раз в день, переживала, не замёрзла ли она, не устала ли, не обидел ли кто.

Забавы привыкла к этой любви как к тёплому одеялу. Стоило ей только вздохнуть — мама уже была рядом.

Но после развода всё изменилось.

Мама вдруг вспомнила, что она не только мать, но ещё и красивая женщина. В её жизни появился Владлен — подтянутый, загорелый, пахнущий дорогим парфюмом мужчина с идеально уложенными волосами и привычкой говорить «мы с тобой достойны большего».

И мама поверила.

Она нырнула в новую любовь так глубоко, как раньше ныряла в материнство: с головой, без оглядки, щедро отдавая всю себя. Только теперь всю её заботу, нежность и внимание получал не единственный ребёнок, а Владлен, его планы, его рестораны, его знакомые и его «спонтанные поездки».

А Забава как раз сейчас нуждалась в маме сильнее, чем когда-либо.

— Мам, — повторила она, чувствуя, как к горлу подступает ком. — Мы были на УЗИ.

— Да, доченька? Ну и как? Всё хорошо?

Забавы закрыла глаза.

— Мам... у нас будет не один ребёнок.

На том конце трубки повисла пауза.

Даже фоновый шум аэропорта словно отступил куда-то назад.

— В смысле не один? — осторожно спросила мама.

— Пятеро, мам.

Семён рядом чуть сильнее сжал руль.

— Пятеро? — переспросила мама.

— Да.

— Детей?

— Да, мам. Пятеро детей.

Снова тишина.

Забавы уже почти услышала то, чего ждала: «Где ты? Я сейчас приеду. Не плачь. Мы всё придумаем».

Но мама сказала другое.

— Доча... ты только не волнуйся, ладно? Мы как раз с Владленом в аэропорту. Улетаем в Ниццу, знакомиться с его родителями.

Забавы открыла глаза.

За окном медленно ползли заснеженные машины. На обочине стоял мужчина с лопатой и обречённо откапывал свой автомобиль из сугроба. Где-то впереди красным горел светофор.

— В Ниццу? — глухо переспросила Забава.

— Да, представляешь? Всё так неожиданно получилось. Он говорит, что это очень важно для наших отношений. Доченька, я тебя поздравляю. Правда. Это такое счастье. Семёну привет. Я тебя целую, хорошо? Мы на посадку опаздываем.

— Мам, подожди...

Но в трубке уже прозвучали короткие гудки.
Мама отключилась.
Забава ещё несколько секунд держала телефон у уха. Потом медленно опустила руку.
Внутри стало пусто и холодно. Даже пугающая новость про пятерых детей на мгновение отступила перед другой, более простой и более обидной мыслью: мама не придет.
— Ну всё, — подумала Забава.
И сама не поняла, что именно значит это «всё».
Всё — детство закончилось.
Всё — теперь она сама мама.
Всё — назад дороги нет. В общем, все три утверждения были верны.
Семён осторожно покосился на неё.
— Что сказала твоя мама?
Забава посмотрела в окно. По стеклу ползла тонкая дорожка растаявшей снежинки, похожая на слезу.
— Передавала тебе привет.
— А ещё?
— А ещё улетела в Ниццу.
Семён вздохнул.

Глава 4. Семейная мобилизация

Когда они вошли в квартиру, всё в ней вдруг стало казаться другим.
Ещё утром это была просто старая бабушкина квартира, молодые не замечали недостатков, ценности были другими, Семён с головой — в науке, Забава — в учёбе и соцсетях. Сейчас же они посмотрели на квартиру совсем другими глазами, как на новую реальность мироустройства. Квартира была, мягко говоря, уставшая, потолки казались ниже, даже люстра в прихожей висела как-то обречённо и грустно отбрасывала тень на облезлые унылые обои, на скрипучий паркет.
Забава сняла сапоги, прошла на кухню и села на стул. Семён ушёл в комнату звонить родителям. Говорил он негромко, но отдельные слова всё равно долетали до кухни:
— Да, мама... Нет, не ошибка... Да, врач подтвердил... Нет, не двойня... Нет, и не тройня... Пятеро, мама. Пя-те-ро.
После этого на том конце провода, судя по всему, случилось что-то грандиозное, потому что Семён снял очки, потёр переносицу и произнёс:
— Мама, не плачь. Я не различаю слова.
Родители Семёна отреагировали на новость не просто шоком, а семейной мобилизацией. После короткого совещания было решено в срочном порядке вызывать подкрепление.

Глава 5. Тётушка Аглая

А именно — тётушку Аглаю.
Аглая была старшей сестрой Бориса, отца Семёна, и жила в Подмосковье. В окрестностях слыла известной целительницей, ясновидящей и потомственной доброй феей древнего рода. Какого именно древнего рода — никто никогда не уточнял, а родственники были настолько заняты своими делами, что предусмотрительно не задавали Аглае вопросов на этот счёт.
На визитках у неё было написано:
Агая. Потомственная ведающая. Снятие испуга. Возврат удачи. Гармонизация судьбы.
Почему не Аглая, а Агая, она объясняла просто:
— Буква «л» мешает энергетике. Лишняя она. Тянет вниз.

Своих детей у Аглаи не было. Третьего мужа она схоронила лет пять назад, после чего по городу пошёл устойчивый слух, что она чёрная вдова. Слух этот особенно пугал мужское население подходящего возраста и состояния здоровья.

Местные мужчины старались не находиться в радиусе 100 метров от её дома. Аглая заскучала.

При всём этом тётушка была женщиной весёлой, энергичной, в теле, и, что называется, в самом соку. Она разговаривала шутками, прибаутками и такими интонациями, будто жизнь — это базарная площадь, где главное не растеряться, громко заявить о себе и успеть занять лучшее место.

На просьбу помочь молодым она отозвалась сразу.

Её даже не пришлось просить дважды.

Во-первых, жизнь в Подмосковье ей уже заметно поднадоела. Масштабов явно не хватало. Аглая ушла в рост своей творческой деятельности. Душа требовала реализации мощного потенциала и благодарной податливой аудитории. А Москва — это самый идеальный вариант и по численности населения, и по разношёрстности клиентской базы.

Во-вторых, её очень привлекала мысль вернуться в отчий дом, где ещё ворожила её прабабушка Анна в 30-е годы. Отношение в те времена властей в СССР к целительницам, ведьмам и ворожеям было двойственным и противоречивым. С одной стороны, официальная идеология, основанная на принципах марксизма-ленинизма и материализма, отвергала всё, что не поддавалось научному объяснению, включая магию, ясновидение и оккультизм. С другой стороны, в определённых рамках и в конкретных проектах, власти проявляли интерес к изучению паранормальных явлений, а иногда и к использованию их в государственных целях. Прабабушка рассказывала, что однажды к ней навёдывался сам член Совета народных комиссаров, чем прабабушка особенно гордилась. Именно после посещения её скромной обители человеком высшего эшелона власти, Анну перестал преследовать Управдом, человек абсолютно безграмотный в оккультных науках и полный невежда в практической магии. Как рассказывала бабушка, его раздражали толпы людей, которые приезжали к прорицательнице. Что он только не делал, вызывал участкового милиционера, добровольных помощников милиции, пытался натравливать соседей, но все они, опасаясь возможных негативных последствий со стороны прабабушки, старались соблюдать нейтралитет. Поэтому на Аглаю нахлынули воспоминания и особый трепет перед встречей с отчим домом, ведь стены, как известно, помнят всё: и прабабушку Анну, и бабушку Аллу, и маму Аглаи и Бориса — Агату.

Бабушка Алла, рождённая в послевоенные тяжёлые годы, тоже в своё время баловалась ворожбой, но это было уже в 70-х годах, когда закончилось правление Никиты Хрущёва, который активно боролся с религиозными и около религиозными явлениями, включая деятельность прорицателей и магов. Уже можно было потихоньку выходить из-под полы в буквальном смысле. Квартира находилась на первом этаже и была оборудована огромным собственным подвалом, как сейчас модно говорить, цокольным этажом. Лестница в подвал находилась в кладовой под тщательно скрываемым в беспокойные периоды люком. Наступило время принятия новой конституции, репрессии уже были выборочными и в основном касались религиозных диссидентов, бытовое магическое мышление граждан, которые обращались к гадалкам и народным целителям, открыто высмеивалось в прессе и кинематографе, что, безусловно, затрудняло бизнес, но на деятельность магов власти чаще закрывали глаза, их не преследовали и не признавали. Поэтому ворожба потихонечку возрождалась.

Там, в подвале, по семейным слухам, проходили странные собрания, на которых шептали, сушили травы, гадали на воске и обсуждали судьбы людей с таким видом, будто Госплан просто ничего не понимает в настоящем управлении будущим.

Поэтому Аглая решительно принялась собирать вещи. Она не могла упустить такой шанс, а тут ещё и спасательная миссия — пятерня. Пять младенцев. Одна неопытная девочка. Один

молодой учёный, который вместо того, чтобы чинить кран, мог начать объяснять молекулярную структуру ржавчины.

Ни Семён, ни Забава, прожившие в квартире уже целый месяц, о существовании люка не имели ни малейшего представления.

Забава сидела на кухне, погружённая в свои невесёлые мысли.

Она думала о том, что назад уже не отмотать. Что срок большой. Что даже произносить слово «аборт» теперь страшно, неправильно, невозможно. Да и как взять такой грех на душу — лишить жизни сразу пятерых? Пятерых маленьких, ещё невидимых, но уже существующих.

Потом она думала о том, что придётся бросить учёбу.

Поставить крест на карьере. Научиться готовить и вести хозяйство, словом, научиться жить не для себя.

От этой мысли стало особенно тяжело. Забава вдруг поняла, что семейная жизнь, материнство и взрослая ответственность — это что-то огромное, настоящее, неподъёмное.

В этот момент её вернул в реальность оглушительный стук в дверь.

Не звонок.

Не деликатное «тук-тук».

А именно стук — такой, будто в дверь барабанили одновременно десять человек, причём минимум трое из них были с кастрюлями.

Семён из комнаты не вышел.

— Семён! — крикнула Забава.

— Угу! — донеслось из-за двери.

— Там кто-то ломится!

— Открой, пожалуйста. Я почти понял закономерность.

Забава встала. Ноги немного дрожали. Она дошла до прихожей, открыла дверь и застыла.

На пороге стояла женщина. Нет, не просто женщина, а целое событие.

Она была импозантная, крупная, яркая, странно одетая и совершенно уверенная в том, что все двери мира существуют исключительно для того, чтобы распахиваться перед ней. В одной руке незнакомка держала огромный ковёр, скрученный в рулон. Во второй — трёхлитровую банку, в которой булькала какая-то густая зелёная гадость. В дополнение к ошеломляющему образу на ней был передник с огромным карманом, в котором явно что-то шевелилось.

Забава невольно поморщилась.

— Вы к кому?

В следующий момент из кармана женщины выпрыгнул огромный кот, как полагается, чёрного, словно сажа, цвета. Кот гармонично вписывался в антураж происходящего и своим появлением не вызвал особого удивления у девушки, которая находилась в глубоком потрясении от всей картины в целом. Он по-хозяйски неторопливой походкой первым вошёл в дом.

Женщина расплылась в улыбке.

— Я — Аглая. Но можно Агая. Для вас — тётя, а для врагов — сопротивление бесполезно. А этот, — кивнула Аглая в сторону чёрного великана, — Мухтар.

Мухтар, словно понимая важность момента, вытянулся по стойке смирно и взвил вверх огромный хвост, который вдруг согнулся буквой «Г» практически под углом 90 градусов ближе к кончику хвоста, и стал водить этим кончиком, плавно разворачивая его во все стороны, пока не замер точно напротив Забавы, словно перископ подводной лодки — труба с оптическими призмами, которая внезапно поднимается из толщи воды для визуального наблюдения и обнаружения целей.

Существует редкая, почти легендарная порода чёрных котов — их отличительной особенностью являются огромные гибкие хвосты. Хвост каждого из них будто отдельное живое существо: он плавно изгибается, извивается, ловко балансирует в воздухе, иногда напоминая хвост маргитки, который выполняет функцию «пятой конечности», а чаще — функцию все-

видящего или даже всё ощущающего либо всё осязающего невидимого органа, нечто сродни шестому чувству. Этот орган служит безупречным ориентиром: он улавливает малейшие колебания пространства, предупреждает об опасности и указывает путь.

Аглая впервые увидела Мухтара в сумрачном переулке, возле мусорных баков. Сначала из-за угла появился хвост — загнутый авторским порядком, он сделал плавные поворотные движения влево и вправо, сканируя пространство, словно локатор.

Глава 6. Ковёр, кот и родовая сила

Кот был в ужасном состоянии: острая колючая проволока туго обвивала его лапы, впиваясь в кожу. Видно было, что над ним жестоко издевались — следы побоев, истощённость, настороженный, но воинственный несломленный взгляд. Аглая, не раздумывая, бросилась освобождать несчастного. Дрожащими руками она распутывала узлы, стараясь не причинить ещё большей боли. Кот не сопротивлялся, но и не доверял — он лишь следил за её движениями, а его хвост продолжал едва заметно подрагивать, будто охраняя хозяина.

Возможно, именно пережитые страдания пробудили в нём эту удивительную способность. Шестое чувство, зародившееся на кончике хвоста, стало его щитом и проводником.

Аглая забрала кота домой. Она назвала его Мухтаром, собачьим именем, потому что характером и повадками он смахивал на большую служебную собаку, которой доверяли самую важную миссию, там, где человек мог сплеховать.

Не успела Забава ничего ответить, как Аглая решительно шагнула внутрь и громко крикнула через плечо:

— Заносите, соколы! Только аккуратно! В том тюке не тряпки, а наследственная сила!

И тут в квартиру стройными рядами проследовали грузчики.

Один нёс тюки.

Второй — корзины.

Третий — какие-то связки сушёных трав.

Четвёртый — табурет с резными ножками.

Пятый — тащил зеркало в потемневшей раме.

Шестой — держал под мышкой деревянную полку, на которой звенели банки. А следом четверо тащили огромный неподъёмный сундук.

За ними шла ещё какая-то мебель, утварь, узлы, свёртки, пакеты, коробки и предметы настолько непонятного назначения, что Забава даже не пыталась их классифицировать.

— Подождите! — наконец выдавила она. — Что происходит?

Аглая поставила банку на тумбочку и огляделась хозяйским взглядом.

— Спасение происходит, деточка. Срочная эвакуация из хаоса в порядок.

— Где кладовая? Кладовая есть?

— Есть... — растерянно сказала Забава.

— Отлично, — оживилась Аглая. — Значит, корень рода не совсем усох.

В этот момент из комнаты вышел Семён с нетбуком в руках. Посмотрел на Аглаю, на грузчиков, на ковёр, на зелёную банку, на Забаву, которая уже почти слилась со стеной от потрясения.

— Здравсьте, тётя Аглая, — сказал он.

— Здравствуй, свет науки, — радостно ответила Аглая. — Всё формулы мучаешь?

— Угу.

И Семён, будто появление в квартире целого кочующего табора было явлением совершенно нормальным, развернулся и ушёл обратно в комнату.

Забава медленно опустилась на стул.

Ноги окончательно перестали держать.

— Ну что, молодые. Будем устраиваться. Раз детей пятеро, значит, и жить надо широко. А то у вас тут энергетика как в очереди за справкой — мёртвая, злая и без надежды.

Забава посмотрела на банку с зелёной жидкостью.

Та внутри булькнула.

— А это что? — тихо спросила она.

Аглая просияла.

— Это? Настой родовой памяти и охранник рода. В этот момент из банки раздалось характерное хрюканье и пошли пузыри от органических процессов внутри банки.

— Он что... питьевой? — сморщившись, поинтересовалась Забава.

— Пока не решила. Посмотрим.

Аглая была из тех женщин, которые не просто входят в помещение — они его моментально заполняют собой и неважно, будь то супермаркет, собес, кинотеатр или даже Эрмитаж.

Она стояла посреди прихожей. Высокая, грузная, но удивительно подвижная, с крепкими плечами, широкой грудью и той особенной дородностью, которая не мешает, а наоборот, придаёт человеку вес — и в прямом, и в переносном смысле. Лицо у неё было круглое, румяное, живое, с крупными чертами и цепкими, как крючки, глазами цвета крепко заваренного чая. Эти глаза, казалось, успевали видеть всё сразу: скучную обстановку, старые обои, пол, потолок, пыль на тумбочке, выражение лица Забавы и даже настроение квартиры.

На голове у Аглаи красовался яркий павлопосадский платок, из-под которого у висков выбивались крашенные в густо-медный цвет пряди. Уши украшали тяжёлые серьги в виде полумесяцев, на шее висело сразу несколько ниток бус — деревянных, янтарных, стеклянных, а поверх них болтался крупный серебристый амулет, подозрительно похожий то ли на солнце, то ли на сковородку с лучами. Пальцы у неё были короткие, сильные, в кольцах — с красными, зелёными и мутно-жёлтыми камнями. На одном пальце блестел перстень с чёрным овальным камнем, в глубине которого, если присмотреться, словно клубился дым.

Одета Аглая была так, будто одновременно собиралась на ярмарку, на спиритический сеанс и в гости к дальним родственникам. На ней была длинная тёмная юбка с вышитыми по подолу птицами, меховая жилетка поверх цветастой кофты, шерстяная шаль, перекинутая через плечо, и добротные кожаные сапоги, которые с таким грохотом ступали по полу, будто заранее предупреждали: «Тихой жизни больше не будет».

Но ещё более впечатляющей, чем сама Аглая, была её поклажа.

Ковёр, который она внесла первым, оказался огромным, тяжёлым, тёмно-вишнёвым, с витиеватым узором и золотистыми кистями, словно из какого-нибудь советского фильма про цыганский табор. Квартира была заставлена котомками, тюками, корзинами, сумками, коробками и загадочными узлами. Всё это выглядело как багаж человека, который решил переселиться не на время, а навсегда, причём прихватив с собой не только вещи, но и часть параллельного мира.

Из одной плетёной корзины торчали связки сушёных трав — полынь, зверобой, мята, чабрец, какие-то корни с узловатыми лапами, похожими на птичьи когти, и целые пучки неизвестных растений, пахнувших землёй, аптекой и сырой осенью. Из другой сумки выглядывали баночки с порошками, пузырьки с мутными настойками, тряпичные мешочки, перевязанные красными нитками, колода карт в потрёпанной коробочке, восковые свечи всех размеров и цветов, медный колокольчик, пучок вороньих перьев, ступка с пестиком, кусок мела, моток чёрной пряжи, несколько высушенных яблочных долек, деревянная шкатулка и чугунный котелок размером с хорошую кастрюлю для борща.

Забава смотрела на всё это с таким выражением, как будто в их квартиру только что вселилась не тётя мужа, а филиал передвижного мистического базара.

— Это всё... ваше? — слабым голосом спросила она.

— Моё, деточка, — довольно ответила Аглая. — И ещё малая часть моего дара.

— Малая?..

— Основное я не взяла. Не хотела тебя пугать с первого дня.

Семён в этот момент стоял у стены с нетбуком, наблюдая происходящее ровно с той степенью эмоциональной вовлечённости, с какой учёный наблюдает за опытом, который сам бы никогда не поставил, но раз уж процесс идёт — пусть идёт.

Аглая огляделась по-хозяйски и вдруг спросила:

— Так. Где у вас самая большая комната?

— Н-наша... — ответила Забава и тут же осеклась.

— Вот и хорошо, — бодро кивнула Аглая. — Там и расположусь.

— Что значит — расположусь? — тихо переспросила Забава.

— То и значит. Беременной нужен покой, а мне — пространство для работы. Ты, девочка, сейчас нервная, хрупкая, впечатлительная. Тебе лишние энергетические потоки ни к чему. А мне, наоборот, теснота противопоказана. Да и вещи мои где-то размещать надо.

Она хлопнула в ладоши и крикнула грузчиком:

— Парни, ковёр в большую комнату! Сундук туда же! Зеркало аккуратно: это рабочее! Подушки на кровать! Нет, не на эту — на ту, у окна! Молодцы, соколы!

Забава растерянно посмотрела на Семёна.

— Семён...

— Угу? — отозвался он, не отрывая взгляда от экрана.

— Она нашу комнату забирает.

Семён поднял голову, посмотрел сначала на Аглаю, потом на грузчиков, потом на жену.

— Ну... если временно...

— Временно? — возмутилась Забава, но даже возмущение у неё вышло вялым, почти бескровным.

Аглая уже распахивала двери, шупала стены ладонью и будто прислушивалась к чему-то невидимому.

— Временно, постоянно — это как поток ляжет, — авторитетно заявила она. — К тому же вам, молодым, много места не надо. Вам бы только прилечь да повздыхать. А мне работать. Пятерня — дело не шуточное. Тут обычной квартирной энергетикой не отделаться.

К вечеру квартира уже выглядела так, будто поддавалась несанкционированной оккультной реорганизации. В бывшей спальне молодых теперь висели новые тяжёлые шторы, на подоконнике выстроились банки с травами, у стены стояло зеркало, рядом — сундук, на комод лежали карты, а в углу красовался тот самый ковёр, прислонённый рулоном, будто ждал своего часа.

Глава 7. Потайной люк

Ночью Забава долго не могла уснуть.

Семён почти сразу провалился в сон, уткнувшись лицом в подушку, не выпуская из рук очки. Она осторожно переложила очки на тумбочку. Будущий отец был из тех людей, чей организм в момент перегрузки просто нажимает кнопку «выключить». Ни вторжение Аглаи, ни пятеро будущих детей, ни перенесённая в тесную комнату кровать не помешали ему спать ровно и глубоко.

Забава лежала под одеялом с открытыми глазами и смотрела в темноту. Квартира теперь дышала как-то иначе. Странно поскрипывали полы. За стеной раздавались шорохи. Пахло сушёными травами, воском и ещё чем-то терпким, незнакомым.

Она уже почти задремала, когда услышала тихий скрип двери.

Забава приподняла голову.

В коридоре мелькнул слабый жёлтый свет. Дверь комнаты приоткрылась ровно настолько, чтобы она увидела Аглаю. Та шла на цыпочках — насколько это вообще возможно для такой большой женщины, — держа в руке свечу. Свет прыгал по стенам, делая их ещё

более старыми и подозрительными. На плечи Аглая накинула тёмную шаль, волосы убрала под чёрный платок, и в таком виде действительно напоминала что-то среднее между Бабой-Ягой, странствующей артисткой и старинной ведьмой из деревенских страшилок.

Она огляделась, будто проверяя, спят ли все, и направилась в сторону кладовой.

Забаве стало интересно.

Интересно настолько, что страх уступил место чистому, детскому любопытству.

Она бесшумно спустила ноги с кровати, накинула халат и, стараясь не шуметь, выскользнула в коридор. Сердце стучало часто-часто, как будто заранее предупреждало: ничего хорошего из этой затеи не выйдет.

Дверь в кладовую была приоткрыта.

Изнутри пробивался дрожащий свет фонаря.

Забава осторожно подошла ближе и увидела, как Аглая, кряхтя, поднимает старый половик в углу и открывает потайной люк. Тот самый. Люк, о котором они с Семёном даже не подозревали.

Из-под крышки потянуло сыростью, холодом и таким тяжёлым подземным запахом, какой бывает в погребках, заброшенных подвалах и местах, где воздух годами коптит тайны.

Аглая спустилась вниз по крутой деревянной лестнице.

Забава постояла секунду, потом, сама не понимая зачем, последовала за ней.

Каждая ступенька тихо постанывала под ногами. Чем ниже она спускалась, тем холоднее становилось. Стены подвала были грубые, сырые, местами покрытые тёмными разводами, похожими то ли на плесень, то ли на давние следы копоти. Потолок был низкий, балки нависали так, словно пытались пригнуть голову каждому, кто сюда входил.

Было страшно.

Не просто тревожно — страшно той особенной, липкой, подкрадывающейся к спине жутью, которая возникает, когда ты понимаешь: это место слишком долго хранило чужие секреты.

Внизу Аглая уже поставила свечу на деревянный огромный стол и зажигала старинные свечи одну за другой, которых там было великое множество. Пламя дрожало, бросая по стенам рыжие тени, и от этого подвал казался то больше, то меньше, словно дышал.

Когда глаза Забавы привыкли к полумраку, она разглядела, что в центре помещения стояло по меньшей мере 12 стульев, расставленных вокруг огромного круглого стола, накрытого выцветшей кружевной салфеткой. На столике лежала какая-то потемневшая книга и предметы, назначение которых Забаве были непонятны. Вдоль стены виднелись полки с банками, бутылками, коробками и свёртками. С потолка свисала голая лампочка на перекрученном проводе — мёртвая, давно не горевшая.

Аглая что-то бормотала себе под нос.

Слова было не разобрать. Они текли вязко, почти напевно, как старые заклинания или молитвы на неизвестном языке. Иногда в её шёпоте всплывали отдельные понятные обрывки:

— Родовая сила... кровь... врата... слышание... пришедшие...

Забава замерла у лестницы, боясь пошевелиться.

Но именно в такие моменты тело почему-то особенно стремится выдать себя с головой.

Она чуть подалась вперёд, пытаясь лучше рассмотреть столик, и случайно задела плечом висящую с потолка ту самую лампочку.

Та качнулась.

Что-то внутри щёлкнуло — видимо, в патроне давно был нарушен контакт, а от этого толчка он вдруг встал на место.

И в следующую секунду лампочка вспыхнула.

Ярко.

Ослепительно.

По-подвальному безжалостно.

Тусклый страшный полумрак мгновенно исчез. Подвал залило жёстким электрическим светом, обнажив всё сразу: старые стены, банки, стол, стулья, полки, растерянную Забаву в халате и тапках и Аглаю, которая так резко вскинула голову, будто увидела невесть откуда явившееся привидение.

Она отшатнулась.

Глаза её расширились.

Лицо вытянулось, а потом приняло выражение такого потрясения, что даже Забаве стало не по себе.

— Избранная... — выдохнула Аглая.

Забаву вжалась в стену.

— Что?..

Но Аглая уже будто её не слышала.

— Избранная... избранная... вошла в избу... вошла в избу...

Она быстро зашагала по периметру подвального помещения, почти не касаясь пола, прижимая руки к груди и бормоча всё громче:

— Избранная свет зажгла... кармический свет... кармический свет... призыв рода... призыв рода...

Ужас накрыл Забаву с головой.

То ли от вида подвала, то ли от того, как безумно блестели глаза Аглаи, то ли от самих этих слов — «избранная», «призыв рода», — но ей вдруг сделалось так страшно, что она сорвалась с места и почти бегом бросилась вверх по лестнице.

Она вылетела из кладовой, захлопнула за собой дверь, проскользнула в комнату и нырнула под одеяло так быстро, словно ткань могла стать настоящей защитой. Спрятаться. Исчезнуть. Переждать. Под одеялом, в детской логике, всегда есть какая-то недосыгаемость для всего страшного.

Забаву лежала, дрожа, стараясь даже не дышать.

Может быть, ей всё это привиделось.

Может быть, если лежать тихо-тихо, ничего больше не случится.

Но вдруг одеяло резко откинулось.

Над ней склонилось лицо Аглаи.

Близко.

Слишком близко.

В полумраке комнаты оно казалось особенно пугающим: сосредоточенным, напряжённым, почти одержимым. Глаза её сверкали, щёки горели, губы шептали что-то без остановки.

Забаву в ужасе вжалась в подушку.

— Тётя Аглая...

Но та будто снова не слышала её.

Она продолжала быстро, горячо, с нарастающим волнением нашептывать:

— Избранная... избранная зажгла свет... кармический свет... сделала призыв рода... призыв рода... слышите? слышите?

Потом вдруг резко выпрямилась, подняла руку и показала Забаве растопыренную пятерню.

— На землю придут... — прошептала она почти безумными глазами. — На землю придут пять.

После этого Аглая щёлкнула пальцами над свечкой, которую принесла с собой в блюде, и пламя погасло.

В воздухе поплыл тонкий дымок.

Комнату наполнил лёгкий, сладковато-горький запах ладана.

Забава сглотнула. Ей казалось, что сердце сейчас просто выпрыгнет из груди.

Аглая ещё несколько секунд смотрела на неё в упор, будто проверяя, достаточно ли хорошо услышано и понято сказанное, а потом медленно, не сводя с неё глаз, отступила к двери.

И только когда дверь за ней закрылась, Забава наконец смогла вдохнуть. Но легче не стало. Потому что теперь ей было ясно одно:

в этой квартире, кроме старых обоев, скрипучего паркета и неожиданной пятерни, поселилось ещё что-то. Что-то древнее.

И, похоже, оно только начинало просыпаться.

Глава 8. Домашняя магия

После той ночи Забава ещё долго не могла смотреть на Аглаю спокойно.

Днём тётушка вела себя почти обыкновенно. Ну, насколько обыкновенной могла быть женщина, которая завтракала какой-то травяной кашей, ставила стакан воды на подоконник на ночь «заряжаться луной» и называла пылесос «пожирателем домашнего духа».

Она командовала квартирой, грузчиками, Семёном, кастрюлями, травами и самой Забавой так уверенно, будто была не гостьей, а назначенным сверху управляющим по чрезвычайным семейным обстоятельствам.

— Деточка, не сиди на сквозняке, пятеро ветра не любят.

— Деточка, не смотри на пустой угол, а то он сам на тебя посмотрит.

Забава сначала пыталась спорить. Потом перестала. Сил становилось всё меньше, живот рос так быстро, будто внутри неё не просто развивались дети, а строился отдельный жилой комплекс.

Семён же, казалось, привык ко всему. К Аглае. К её травам. К её громкому озорному голосу. К тому, что в ванной теперь поселилась трёхлитровая банка зелёной жижи, ей, видите ли, нужна влажная среда.

Теперь во время принятия ванны и у Забавы, и у Семёна было устойчивое ощущение: за ними что-то внимательно наблюдает из жижи. Это нечто периодически шевелилось, издавало звуки, словно дышало. Забава каждый раз, заходя в ванную комнату, втихоря от тётушки, которая это делать категорически запрещала, накрывала банку холщовой тканью, а когда уходила, забирала ткань с собой. Однажды Забава забыла снять накидку и уже вышла из ванны, прикрыв дверь, как услышала почти утробный глухой вздох, от которого мурашки побежали по спине. Она вернулась и, боясь взглянуть на нечто в банке, зажмурившись, стянула ткань и быстро выскочила, плотно закрыв дверь.

По периметру всех комнат на бельевой верёвке висели пучки различных трав, каждый из которых обладал своим запахом не всегда приятным, а чаще всего отвратительным.

На холодильнике в большой коробке лежал мел, которым ведунья чертила «защитные метки от бытового сглаза» то тут, то там.

Однажды Аглая запустила руку в коробку, встав на цыпочки и, к своему огорчению, нащупала пустое дно: мел неожиданно закончился, но женщина, воодушевлённая срочной необходимостью нанесения ритуальных линий, якобы нашептанных ей вселенной, самозабвенно погрузилась в поиски, открывая по очереди все кухонные шкафы и антресоли, пока не обнаружила в одном из дальних ящиков мелки с ласковым названием «Машенька». Обрадованная Аглая, рассудив, что это определённый знак, решила разрисовать всю квартиру тайными символами, имеющими сакральный смысл.

Мелков было много, целых три упаковки. Аглая покрывала всё пространство рисунками и что-то тихо нашептывала. Она была настолько увлечена процессом, что не заметила странное поведение Мухтара. Он бесшумной крадущейся походкой переходил от одного рисунка

к другому, оглядывался по сторонам, обнюхивал и слизывал надписи одну за другой, словно хотел спасти мир от какой-то неизведанной, но вполне видимой глазу опасности.

Со стороны ситуация казалась комичной: одна старательно выводит линии, другой подкрадывается и слизывает эти линии начисто.

В дверном замке повернулся ключ: это Забава и Семён вернулись после планового посещения врача и увидели картину, которая казалась уже не комичной, а скорее трагичной. Мухтар двигался в каком-то нервнопаралитическом припадке, неестественно дёргая то одной, то другой лапой, и вдруг рухнул без чувств. Аглая в этот момент сидела на корточках спиной к ним и рисовала мелом на стене. Когда она услышала обеспокоенный возглас Забавы по поводу Мухтара, Аглая повернулась к ним, и взгляду открылась страшная картина: глаза Аглаи налились кровью в буквальном смысле, лицо разбухло и покрылось пятнами. Семён набрал скорую помощь: сначала человеческую, потом кошачью. Обоим сделали промывание желудка, провели против аллергенную и антитоксическую экстренную терапию. Семён отмывал стены и полы в респираторе, а Забаву отправил гулять на детскую площадку во избежание вдыхания вредных паров. Мелки «Машенька» оказались инсектицидным средством для борьбы с насекомыми, которое может вызывать аллергические реакции, а при попадании внутрь — судороги и потерю сознания.

— Мухтар — молодчина, — сказал Семён и потрепал кота за ухо, словно собаку, когда тот уже пришёл в себя после всех реанимационных действий. — Подумать только: хотел спасти семью от отравы ценой собственной жизни.

На кровати с мокрым полотенцем на лбу лежала Аглая. Она никогда не признавала свою вину и в такие моменты предпочитала увести разговор в сторону.

— Что сказал врач?

— Всё хорошо, — усмехнулся Семён, разгадав её хитрый замысел.

В другой раз Аглая решила обмотать по периметру все дверные проёмы красной ниткой — для удачи и разных благ.

Дело опять не обошлось без Мухтара. Нитки предательски свисали и торчали из-под дверных наличников, не давая покоя коту, который относился к разряду перфекционистов, стремящихся к идеалу во всём, включая расположение предметов в пространстве.

Кот вцепился в дверной косяк, доставая из щелей нити, всё больше и больше. В какой-то момент он запутался в этом витиеватом переплетении наветов Аглаи, материализовавшихся ниточным беспределом.

Как назло, в этот момент из комнаты, над дверным проёмом которой из последних сил свисал Мухтар с запутанными лапками, вышел Семён, эффект неожиданности сделал своё дело и в следующий момент Мухтар уже виновато мяукал, повиснув на лице Семёна.

Ночи были таинственными. Когда квартира засыпала и за окном гасли последние окна соседней девятиэтажки, Аглая тихо пробиралась в комнату к Забаве. Сначала Забава думала, что ей это снится.

Сквозь сон она слышала шорох юбки, скрип половиц, едва уловимый запах ладана и трав. Потом у кровати появлялась тень. Большая, неподвижная. Аглая вставала у изголовья, наклонялась над животом Забавы и начинала шептать.

— Род древний, род сильный... встань, покажись... встань, покажись...

Забавка лежала с закрытыми глазами и делала вид, что спит.

Она боялась открыть глаза.

Боялась увидеть тётушкино лицо в темноте. Боялась, что Аглая снова назовёт её избранной. Боялась, что внутри живота кто-нибудь действительно ответит.

А Аглая продолжала:

— Кто в крови спрятан, кто в имени запечатан... встань, покажись... встань, покажись...

Иногда она водила над животом ладонью. Иногда шуршала бумагами. Иногда ставила возле кровати маленькую свечку в блюдце, но Забава, почувствовав запах дыма, однажды всё-таки прошипела:

— Только без пожара.

— Молчи, деточка, — так же шёпотом отвечала Аглая. — Род не любит суеты.

— А пожарные любят.

Так продолжалось несколько недель.

К маю Забава уже почти не выходила из квартиры. На улице наконец потеплело, но ей было не до прогулок. Живот стал огромным, тяжёлым, живым. Иногда он двигался так, будто пятеро будущих Звонарёвых устраивали внутри семейное собрание, спортивный турнир и борьбу за квадратные сантиметры одновременно.

Со стороны временами это выглядело примерно так: Забава шла в одном направлении, как вдруг её пузо резко уходило в бок, разворачивая её в другую сторону, словно живот был дирижаблем, которым управляла бойкая команда пятерых, заставляя шаттл уходить то влево, то вправо, совершая нехитрые коллективные перемещения из одной стороны в другую.

Семён, к удивлению Забавы, начал меняться.

Он всё ещё много работал, всё ещё говорил «угу» чаще, чем любые другие слова, но стал проявлять заботу: сам приносил чай. Правда, однажды вместо сахара положил соль, потому что «визуально кристаллические структуры похожи», после чего каждый раз Забава сначала опускала в чашку кончик языка, проводила тонкие дегустаторские манипуляции и, только убедившись, что в чае действительно сахар, расслаблялась, довольно улыбаясь Семёну.

Аглая же становилась всё торжественнее.

Она несколько раз в день сверялась со своим старым блокнотом, что-то считала, смотрела на часы, на календарь, на живот Забавы и шептала:

— Скоро. Ой, скоро. Звёзды уже шевелятся.

— Это не звёзды, — устало отвечала Забава. — Это дети по печени стучат.

— Одно другому не мешает.

Глава 9. Гроза над домом

В ту ночь гроза пришла внезапно.

Весь день было душно, липко и тяжело. Воздух будто стоял в квартире комом. Окна открывали — не помогало. Закрывали — становилось ещё хуже. К вечеру небо за домами почернело, низко повисло над районом, и первые раскаты грома прокатились так, что в серванте звякнули старые бабушкины рюмки.

Забава легла рано, измученная жарой, тяжестью и тревогой, которая последние дни ходила за ней хвостом. Семён уснул рядом не сразу. Он долго ворочался, потом наконец провалился в сон, уткнувшись носом в подушку.

Аглая, конечно, появилась ближе к полуночи.

Дверь тихонько скрипнула.

Шаг.

Ещё шаг.

Забава сквозь сон услышала знакомое бормотание:

— Род древний, род сильный... кровь зовёт, земля держит, небо смотрит... встань, покажись... встань, покажись...

Гроза ударила ближе. Комната на секунду вспыхнула синим светом молнии, потом снова провалилась в темноту.

Аглая стояла у кровати, вытянув руки над животом Забавы.

— Встань, покажись... встань, покажись...

И вдруг она подняла глаза.

Прямо перед ней, у самого изножья кровати, стоял силуэт.

Аглая широко раскрыла глаза и испуганно заорала.

Забава проснулась и тоже заорала.

Семён, испугавшись двух криков сразу, отступил назад, задел ногой табурет, табурет упал, на полу что-то звякнуло, за окном грохнул гром, и вся квартира окончательно проснулась.

— Что происходит?! — закричала Забава, пытаясь сесть.

— Он явился! — воскликнула Аглая, хватаясь за грудь. — Род явился!

— Это Семён! — закричала Забава. — Мой муж! Он тут живёт!

— Я не понял, — пробормотал Семён. — Я куда шёл? Он стоял в растянутой футболке, с взъерошенными волосами, без очков и с совершенно пустым выражением лица человека, который встал среди ночи в туалет и случайно попал на языческий обряд.

Несколько секунд они все смотрели друг на друга.

И в этот момент Забава замерла.

Сначала она почувствовала странное тепло.

Потом — мокрую простыню.

Потом испуг, такой сильный, что голос пропал.

Она медленно посмотрела вниз.

— Семён...

Он уже нашёл очки и надел их.

— Угу?

— Кажется... воды отошли.

В комнате стало тихо.

Даже Аглая перестала шептать.

А потом началась паника.

Семён метался по комнате с телефоном в руке, пытаясь вызвать скорую и одновременно найти тапочки.

— Адрес! Какой у нас адрес?!

— Семён! — закричала Забава. — Ты здесь полгода уже живёшь!

— Я знаю концептуально! Но не помню формально!

Аглая, наоборот, вдруг стала деловитой. Она схватила сумку, засунула туда блокнот, свечи, платок, какие-то пузырьки и ту самую бутылку с зелёной жижей.

— Пей, деточка, — приговаривала она, подсовывая бутылку Забаве. — Для силы. Для раскрытия пути. Для мягкого хода судьбы.

— Уберите от меня это! — простионала Забава.

— Там всё натуральное!

— Вот именно!

Скорая приехала быстро.

Может быть, потому что Семён в панике трижды повторил слово «пятерня», и диспетчер на том конце провода сначала не поверила, потом переспросила, потом сказала: «Ждите. Срочно».

Фельдшеры, увидев Забаву, мгновенно стали серьёзными. Её осторожно уложили на носилки, укрыли, вынесли в подъезд. Соседи, конечно, выглянули все. Даже те, кто обычно ничего не слышал, теперь стояли в дверях в халатах, майках и с лицами людей, которым завтра будет что обсуждать.

— Пятерня, — шепнула тётя Галя с третьего этажа.

— Господи, — ответила соседка с пятого. — А я думала, у них ремонт.

Семён держал Забаву за руку всю дорогу до машины. Крепко. Так крепко, что ей впервые за весь этот страшный вечер стало чуть спокойнее.

Аглая тоже забралась в скорую.

— Я с ними, — заявила она.

— Вы кто? — спросил фельдшер.

— Родовое сопровождение.

— Бабушка?

— Шире мыслите, молодой человек.

Фельдшер посмотрел на неё, на Забаву, на Семёна, на бутылку зелёной жидкости в руках Аглаи и решил, что спорить сейчас дороже.

Машина тронулась.

Водитель ехал быстро. Он был мрачный, небритый и явно страдал. После недавнего мероприятия его мучила такая жажда, что он время от времени облизывал губы и косился по сторонам в поисках воды.

Аглая тем временем снова пыталась напоить Забаву.

— Ну глоточек, деточка. Для силы рода.

— Нет!

— Для раскрытия пути.

— Нет!

— Для спокойствия.

— Тётушка Аглая!

На очередном повороте банка выскользнула у неё из рук и покатилась к переднему сиденью, крышка надёжно спасла банку от возможного побега жижи.

Беглянка подкатилась к ноге водителя. Он почувствовал прохладу и на светофоре машинально поднял её, увидел зелёную жидкость и оживился.

— О, тархун?

Никто не успел ответить.

Он снял крышку и залпом сделал несколько больших глотков.

Секунду в машине было тихо.

Потом водитель замер.

Медленно посмотрел на бутылку.

Сморщился всем лицом.

— Это что?

Аглая побледнела.

— Это для предназначенных.

— В смысле? — хрипло спросил водитель.

— В прямом.

Его лицо приобрело оттенок, которого Забава раньше у живых людей не видела.

— Мне... нехорошо.

— Ехать осталось минут пятнадцать! — сказал фельдшер.

— Не доеду, — честно ответил водитель.

— Вы обязаны доехать!

— Я сейчас обязан другому процессу.

Через минуту скорую резко качнуло к обочине.

— Вы что делаете?! — закричал фельдшер.

— Спасая честь формы!

Водитель выскочил из машины и, держась за живот, рванул в сторону ближайшей лесополосы.

Внутри повисла тишина.

Потом Забава простонала:

— Только не говорите мне, что мы теперь будем рожать здесь.

Фельдшер выругался так тихо, но выразительно, что даже Аглая уважительно подняла брови.

Семён посмотрел на Забаву.

Потом на фельдшера.

Потом на пустое водительское место.

И вдруг его лицо изменилось.

Исчезла рассеянность. Исчезло вечное «угу». Вмиг поменялись приоритеты, и Семён увидел главное.

Перед Забавой впервые сидел не мальчик с нетбуком, не научный сотрудник с формулами, не человек, который забывает адрес собственной квартиры.

Перед ней сидел мужчина.

— Я поведу, — сказал Семён.

— Вы умеете? — спросил фельдшер.

— У меня права есть.

— Это скорая!

— Физика движения та же.

Семён пересел за руль.

Первые несколько секунд он нажимал кнопки подряд. Включились дворники. Потом мигалка. Потом почему-то обогрел заднего стекла. Потом в салоне зажглась лампа. Аглая перекрестилась, хотя обычно предпочитала более древние методы.

— Семён! — крикнула Забава. — Только не экспериментируй!

— Я ищу сирену!

Наконец он нашёл нужную кнопку.

Сирена взвыла так мощно, что Забава сама чуть не родила прямо от звука.

— Нашёл, — сухо сказал Семён.

И выехал на встречную полосу.

Фельдшер вцепился в поручень.

Аглая прижала к груди сумку.

Забаву лежала, держась за край носилок, и смотрела на Семёна через открытое окошко между салоном и кабиной.

Он рулил уверенно.

Резко, но точно.

Объезжал машины, ловко уходил от пробок, не суетился, не бормотал, не зависал в себе.

Он принимал решения. Настоящие. Быстрые. Важные.

И Забава вдруг поймала себя на совершенно неожиданной мысли.

Она им восхищается.

Даже гордится.

Вот он. Её муж.

Странный, рассеянный, неудобный, не приспособленный. Но сейчас он вёл их к больнице так, будто всю жизнь только этого момента и ждал.

— Семён... — тихо позвала она.

— Да?

— Ты молодец.

Он не обернулся, только крепче сжал руль.

— Угу.

Но это «угу» впервые прозвучало совсем иначе.

Скорая остановилась у дверей приёмного покоя с таким визгом тормозов, что дежурная медсестра подскочила на месте.

Их уже ждали.

У входа стояла каталка. Рядом — врачи, медсёстры, акушерская бригада. Где-то дальше готовили операционную. По коридору быстро катили оборудование. Воздух мгновенно стал медицинским, быстрым, строгим.

— Однояйцевая пятерня, воды отошли, срок тридцать одна неделя и два дня! — быстро докладывал фельдшер.

— В операционную!

— Неонатологов вызвали?

— Вызвали.

— Вторая акушерская бригада?

— Поднимают с выходного.

Забаву повезли по коридору. Семён бежал рядом, не отпуская её руку.

— Я с ней, — сказал он.

Врач посмотрел на него.

— Нет. Операция тяжёлая. Детей много. Риски высокие. Присутствовать нельзя.

— Но я...

— Ждите здесь.

Забава испуганно посмотрела на Семёна.

Глава 10. Пять голосов

Её глаза были огромные, мокрые, совсем детские.

— Семён...

Он наклонился к ней и впервые сам, без неловкости и паузы, поцеловал её в щеку.

— Я здесь. Я никуда не уйду.

Её увезли за двери.

Семён остался в коридоре.

Рядом на скамейку тяжело опустилась Аглая. Она виновато оглядывалась по сторонам и нарочито часто смотрела на часы, будто куда-то опаздывала и надеялась, что никто не вспомнит про бутылку зелёной жижи, которую, к слову, она не забыла забрать из машины.

Семён сел рядом. Он не достал нетбук. Не взял телефон. Он просто сидел, сгорбившись, глядя на закрытые двери операционной. Волнение выдавали руки. Он то сжимал пальцы в кулаки, то разжимал, то снова сжимал. Очки сползли на переносицу, но он даже не поправлял их. Ожидание было невыносимым. Казалось, время остановилось и перестало двигаться вовсе. За окном началась настоящая гроза. Коридор больницы был душный, окно у противоположной стены распахнули настежь, и вместе с влажным воздухом туда вдруг залетела мокрая ворона.

Она села на подоконник, встряхнула перьями и каркнула.

Семён медленно повернул голову.

— Только этого не хватало.

Аглая тут же оживилась. Наклонилась к вороне и начала что-то ей нащёптывать.

— Чёрная сестрица, крылатая вестница, что видела, что несла...

Семён закрыл глаза и тяжело вздохнул.

— Вот же послал Бог родственницу.

А в это время где-то в лесополосе, в пятнадцати минутах езды от больницы, от куста к кусту короткими перебежками, как раненый кузнечик, перемещался водитель той самой скорой помощи, который навсегда решил завязать с алкоголем.

Прогремел гром.

Так близко, что в коридоре моргнул свет.

И почти сразу за дверями операционной раздался первый крик.

Тонкий.

Пронзительный.

Живой.

Семён резко поднял голову.

Его глаза наполнились слезами.

Он не стыдился их. Даже не заметил.

Аглая же сохраняла поразительное спокойствие. Она торжественно открыла свою огромную сумку и достала старый замызганный блокнот. Такой старый, что страницы в нём были уже не просто жёлтые — они напоминали сухие листья осеннего парка, готовые рассыпаться в пепел от слишком резкого движения.

Она очень бережно перелистывала их, почти не дыша.

— Где же ты... где же... ага...

На нужной странице была нарисована таблица. Цифры, знаки, странные символы, какие-то кружки, линии, пометки на полях. Аглая вытащила отдельный лист бумаги, переписала туда несколько чисел, посмотрела на часы и принялась что-то подсчитывать с таким видом, будто она была не тётушкой из Подмосковья, а как минимум последовательницей Платона, которому сам Пифагор доверил древние сокровенные знания о порядке звёзд и мироздания.

— Первый... гром небесный... минута совпала... — бормотала она. — Не иначе.

Потом она вдруг поднялась и на цыпочках подошла к двери операционной.

— Вы куда? — прошипел Семён.

— Туда, куда зовёт род.

— Сядьте обратно.

Но Аглая уже приоткрыла дверь буквально на щёлочку.

Внутри было ярко, шумно, сосредоточенно. Никто не заметил её — все были заняты. Врачи работали быстро и слаженно. На отдельном столике, укутанный в одеяльце, уже лежал первенец. Он кричал громко, требовательно, недовольно, будто с первых секунд жизни собирався руководить процессом.

Аглая расплылась в улыбке.

— Приветствую тебя, о великий Зевс, — торжественно прошептала она.

К счастью, никто её не услышал.

Она кивнула сама себе.

— Это он. Это Зевс.

Почти сразу к первому плачу присоединился второй. Он был тише, протяжнее, мягче, будто малыш не требовал, а жаловался миру на внезапное переселение из тёплой темноты в яркий свет.

Аглая посмотрела на часы, записала время до секунд и вывела имя:

Феодосий.

Потом появился третий.

Этот кричал прерывисто и возмущённо, словно уже пытался что-то доказать.

Аглая снова сверилась с таблицей.

— Дионисий, — прошептала она и записала.

Четвёртый заявил о себе громко, резко, энергично. Даже неонатолог, принимая его, усмехнулся:

— О, какой активный.

Аглая довольно хмыкнула.

— Спартак.

Пятый появился последним.

Несколько секунд было тихо.

Семён в коридоре перестал дышать.

Даже ворона на подоконнике замолчала.

А потом раздался пятый крик.

Звонкий.

Чистый.

Обидчиво-красивый.

Такой, будто малыш был недоволен не самим фактом рождения, а исключительно качеством освещения, температурой воздуха и отсутствием торжественной музыки.

Аглая записала время, поставила рядом знак, похожий на маленькое солнце, и вывела:

Аполлон.

Потом быстро захлопнула блокнот и вернулась на скамейку так невинно, будто всё это время сидела на месте.

Семён посмотрел на неё.

— Вы открывали дверь?

— Нет.

— Я видел.

— Значит, тебе показалось.

Он хотел что-то ответить, но не смог. Из операционной доносились голоса врачей, быстрые шаги, короткие команды, детский плач — уже не один, а целый хор.

Пять голосов.

Пять его сыновей.

Он закрыл лицо руками.

И впервые за всю свою взрослую жизнь не пытался ничего объяснить, посчитать или классифицировать.

Просто плакал.

Через некоторое время двери открылись, и в коридор вышел доктор.

Усталый.

Вспотевший.

Но счастливый.

Семён вскочил.

— Забава?

— Операция прошла успешно, — сказал доктор. — Мамочка сейчас под наблюдением.

Пока беспокоить её не нужно, пусть поспит пару часов.

Семён выдохнул так, будто всё это время держал на плечах небо.

— А дети?

Доктор улыбнулся.

— Малыши крепкие, особенно учитывая срок. Тридцать первая неделя — это, конечно, рано, поэтому все пятеро будут под наблюдением неонатологов. Но на данный момент состояние стабильное.

Аглая торжественно поднялась.

— Я же говорила. На землю придут пять.

Доктор посмотрел на неё усталым взглядом человека, который за ночь видел уже достаточно странного, чтобы не задавать лишних вопросов.

— Поздравляю, — сказал он Семёну. — Вы отец пятерых мальчиков.

Семён медленно сел обратно на скамейку.

— Пятерых, — повторил он.

Аглая хлопнула его по плечу.

— Держись, свет науки. Теперь твои формулы начнут кричать по ночам.

За окном снова прогремел гром.

Ворона каркнула и вылетела в мокрую темноту.

А где-то за стеной, в ярком больничном свете, пять маленьких Звонарёвых впервые дышали этим миром.

Зевс.

Феодосий.

Дионисий.

Спартак.

Аполлон.

Пока Забава и малыши находились под присмотром врачей, квартира Звонарёвых превратилась в штаб подготовки к приёму маленькой армии.

Сказать, что приготовления шли полным ходом, было мало. Они не шли — они неслись галопом, грохотали, пылили, стучали молотками, пахли краской, шпаклёвкой, побелкой и травами Аглаи, которые, по её словам, «очищали пространство», а по мнению рабочих, просто не давали нормально дышать.

Ремонтная бригада, которую Аглая называла исключительно «соколами», работала с утра до ночи. Сначала они ободрали старые обои, под которыми обнаружили ещё одни обои, а под теми — такие древние цветочки, что Аглая торжественно перекрестилась своим странным круговым жестом и сказала:

— Вот она, память стен. Молчали, родимые, но всё помнили.

Стены зашпаклевали, трещины замазали, потолки побелили, батареи покрасили, скрипучие двери подтянули, ручки поменяли, окна подправили, а полы отмыли так, что старый паркет впервые за много лет обиженно блеснул и будто спросил: «А что, так можно было?»

Глава 11. Дом для пятерых

Аглая руководила процессом с такой энергией, что у рабочих к третьему дню выработался рефлекс: стоило ей вдохнуть поглубже, как все сразу ускорялись.

— Тут не просто ремонт, соколы! — командовала она, стоя посреди коридора в платке и с веником, будто генерал с саблей. — Тут пять судебных въедут! Пять! Чтобы ни гвоздя кривого, ни угла тухлого, ни плинтуса унылого!

Семён в это время тоже изменился.

Рождение сыночек будто повернуло в нём какой-то внутренний рычажок. Он всё ещё оставался Семёном — мог забыть чайник на плите, очки в холодильнике и собственные тапочки в ванной, — но теперь его рассеянность приобрела новый, почти героический смысл.

Он готовился.

По-научному.

С размахом.

Семён разложил на столе чертежи, схемы, линейки, провода, моторчики, датчики, какие-то железные крепления, пластиковые трубки, паяльник, блоки питания, батареечки, микросхемы и ещё десятки предметов, назначение которых Забава, если бы увидела, сочла бы угрозой семейному быту.

— Это что? — спросила однажды Аглая, заглянув к нему в комнату.

— Прототип.

— Чего?

— Системы помощи при уходе за пятью младенцами.

— А по-человечески?

Семён поправил очки.

— Супер-няня.

Аглая присвистнула.

— Вот это мне нравится. А то я думала, опять человечество спасаешь.

— Это практичнее.

— Наконец-то дошло.

Семён назвал своё изобретение торжественно: «Супер-няня Звонарёва. Версия один точка ноль».

Сама конструкция занимала почти всю детскую комнату. К потолку и стенам крепилась прочная металлическая рама, от которой отходили пять подвижных железных рук. На каждой руке висела маленькая люлька — аккуратная, мягкая, с бортиками, ремнями безопасности и датчиками движения.

Люльки могли работать в пяти режимах.

Первый назывался «Лёгкое покачивание» — самый обычный, нежный и почти человеческий.

Второй — «Лодка». При его включении люлька плавно покачивалась из стороны в сторону, будто младенец плыл по спокойной воде. Аглая, увидев это, сказала:

— Хорошо. Вода — стихия материнская.

Третий режим назывался «Воздушная ямка». Его Семён придумал случайно, когда неправильно рассчитал амплитуду движения. Люлька чуть подпрыгивала и мягко опускалась обратно. По мнению Семёна, это должно было напоминать воздушные ямки при полёте в самолёте, когда самолёт попадает в неравномерные воздушные потоки, при которых холодные воздушные массы сталкиваются с тёплыми. По мнению Аглаи, это «изгнание икоты через пятки».

Четвёртый режим — «Машина». Люлька слегка вибрировала и равномерно покачивалась, имитируя движение автомобиля.

Пятый — «Поезд». При нём конструкция двигалась вперёд-назад, а маленький динамик тихонько выдавал: «чух-чух, чух-чух».

Каждый режим был оборудован звуковым сопровождением, которое включался и регулировался определёнными кнопками.

— Семён, — строго сказала Аглая, когда услышала этот звук, — если дети начнут во сне просить билет до Тулы, я тебя предупреждала.

Но изобретение было полезное. Даже Аглая это признала.

— Умная штука, — сказала она, обойдя раму кругом. — Только глаз у неё нет. Без глаза няня — не няня.

На следующий день Семён приделал к конструкции пять маленьких камер наблюдения.

Аглая посмотрела на них, нахмурилась и повязала сверху красные ниточки.

— Теперь глаз правильный.

Помощь пришла и снаружи.

Когда новость о редкой пятерне дошла до городской администрации, в квартиру начали поступать подарки. Сначала привезли пять кроваток. Потом пять матрасиков. Потом пять комплектов постельного белья. Потом пять детских ванночек.

С ванночками произошёл перебор.

Их поставили в коридоре одна в другую, и эта пластиковая башня смотрелась так, будто в доме собирались открыть частный бассейн для младенцев.

Аглая ходила вокруг них долго, с явным интересом.

— Хорошие ёмкости, — наконец сказала она.

— Для купания детей, — напомнил Семён.

— Пока да.

— Что значит — пока?

Аглая постучала пальцем по бортику ванночки.

— Потом заберу парочку в подвал. Грибы выращивать. И травы. Влажность подходящая, форма удобная, энергетика детская — всё живое пойдёт.

Семён завис на секунду.

— Вы хотите выращивать грибы в детских ванночках?

— Не грибы, а полезную микологическую культуру.

— Это звучит хуже.

— Зато лечебное.

Семён решил не спорить. Он уже понял, что спор с Аглаей похож на попытку доказать грозе, что ей не стоит греметь.

Кроме люлек, Семён разработал ещё одно устройство — самоочищающуюся поительную систему.

Слово «поительная» Аглае не понравилось.

— Это дети, а не телята.

— Тогда система автоматизированной подачи питания, — исправился Семён.

— Вот. Так уже можно испугаться интеллигентно.

К каждой кровати вели тонкие пластиковые трубки из экологически чистых материалов. На конце каждой трубки был специальный переходник, к которому можно было прикрутить бутылочку. Высота и угол наклона регулировались. Всё это соединялось с общей системой стерильной ёмкости.

— Сюда, — объяснял Семён Аглае, — заливается смесь.

Система должна была равномерно подавать питание, поддерживать нужную температуру, промывать трубки после использования и подавать сигнал, если где-то возник засор.

Аглая слушала, щурилась, кивала, а потом сказала:

— А если ребёнок есть не хочет?

Семён открыл рот.

Закрыл.

Посмотрел на схему.

— Тогда... ручной режим.

— Вот и запиши крупно себе на лбу: миром правят дети.

Семён автоматизировал погремушки. Теперь над каждой кроватью висела игрушка, которая могла вращаться с разной скоростью, играть тихую музыку, мигать мягкими огоньками и останавливать всё, если малыш начинал слишком активно двигаться.

Цветомузыка стала отдельной гордостью Семёна.

— Зачем младенцам цветомузыка? — спросила Аглая.

— Для развития зрительного восприятия.

К выписке квартира преобразилась до неузнаваемости.

В детской стояли пять кроваток, пять аккуратно сложенных одеял, пять маленьких подушек, пять комплектов распашонок, пять погремушек и целая стена полок с подгузниками, салфетками, бутылочками, сосками, кремами, присыпками и прочими предметами, о существовании которых Семён раньше даже не подозревал.

На двери детской Аглая повесила связку сухих трав.

— Для защиты.

Семён рядом прикрутил датчик влажности.

— Для контроля.

Они посмотрели друг на друга и впервые, кажется, почувствовали что-то вроде сотрудничества.

— Ты, свет науки, только не очень умничай при детях, — сказала Аглая.

— А вы не очень колдуйте, — ответил Семён.

— Договорились.

— Угу.

В день, когда из больницы позвонили и сказали, что Забаву с мальчиками готовят к выписке, Семён стоял посреди детской и смотрел на всё это великолепие с таким лицом, будто перед ним была не комната, а запуск космической станции.

Пять люлек.

Пять кроваток.

Пять маленьких мест в этом огромном, шумном, непонятном мире.

Аглая рядом проверяла сумку, куда зачем-то положила хлеб, соль, свечку, блокнот, красную нитку и маленький колокольчик.

— Зачем колокольчик? — спросил Семён.

— Встречать.

— Детей?

— Судьбу.

Семён вздохнул, но спорить не стал.

Он подошёл к своей «Супер-няне», нажал кнопку тестового запуска. Все пять люлек плавно качнулись. Игрушки тихо звякнули. Где-то мягко заиграла мелодия. На панели загорелись пять зелёных лампочек.

Семён поправил очки.

— Дом готов.

Аглая оглядела детскую, коридор, свежие стены, новые кровати, свои травы, ванночки, которые она уже мысленно распределила между детьми и подвалом, и довольно кивнула.

— Дом-то готов, — сказала она. — Теперь бы вы сами были готовы.

Семён хотел ответить привычное «угу», но передумал.

Он посмотрел на пять кроваток и вдруг тихо сказал:

— Будем учиться.

Аглая впервые за долгое время улыбнулась не хитро, не торжественно, не ведьмовски, а по-доброму.

— Вот это правильно, свет науки. Потому что пятеро младенцев — это тебе не формула. Тут с первого раза никто не решает.

Глава 12. День выписки

День выписки начался торжественно. Во всяком случае, так он должен был начаться по всем законам жанра.

Забава не спала почти всю ночь. Не потому, что дети кричали. Как раз дети вели себя вполне прилично: сопели, морщились и кряхтели, лишь изредка переходя на плач. Но молодая мать при любом шорохе каждый раз вскакивала с кровати с таким видом, словно она услышала сирену воздушной тревоги.

С утра Забава лежала в палате и смотрела на своих малышек: в одинаковых чепчиках, одинаковых распашонках. Она никак не могла привыкнуть к мысли, что это всё её. Не временно. Не на посмотреть. Не до обхода врача. Её. Пять сыновей. Пять маленьких одинаковых носиков.

Пять пар кулачков, которые уже сейчас были сжаты так решительно, будто каждый младенец пришёл в этот мир не просто жить, а исполнять тайную миссию.

— Ну здравствуйте, — тихо сказала Забава.

Один из свёртков шевельнулся. Тот самый, который медсёстры всегда оставляли чуть поодаль от остальных, потому что он умудрялся первым просыпаться, первым кряхтеть и первым требовать внимания. Забава уже знала: это старший. Пусть официально имена ещё не были оформлены, но Аглая с такой уверенностью называла его Зевсом, что даже врачи перестали спорить. Один раз заведующая отделением попыталась возразить, что ребёнок пока просто «мальчик номер один», но Аглая посмотрела на неё так, будто та лично оскорбила Олимп.

К десяти утра палата наполнилась торжественной атмосферой. Так бывает перед свадьбой, экзаменом или приездом приёмочной комиссии, когда вроде бы всё готово, но всё равно кажется, что сейчас кто-нибудь спросит документ, которого у тебя нет, или ребёнок внезапно окажется шестым.

Забава надела светлое платье. Оно было красивое, свободное, заранее купленное мамой Семёна и привезённое с запиской: «Забавочке, чтобы наша мама-героиня выглядела как принцесса». Забава посмотрела на себя в зеркало и поняла, что принцесса, судя по внешнему виду, пережила набег ордынцев.

Бледная, похудевшая, с огромными глазами, чуть растрёпанными волосами и выражением лица, в котором счастье боролось с паникой, а паника пока уверенно лидировала по очкам.

— Ничего, — сказала она своему отражению. — Главное — дети.

Отражение посмотрело на неё с сомнением. В коридоре послышались шаги. Быстрые. Неровные. Очень знакомые. Дверь открылась, и в палату вошёл Семён. Он был в костюме. Вернее, костюм был на нём. Но смотрелись они вместе так, будто костюм не до конца понимал, за что его наказали. Галстук съехал набок, очки запотели, волосы стояли чуть дыбом, а из нагрудного кармана виновато выглядывал носок. В руках Семён держал огромный букет. Букет был такой большой, что за ним почти не было видно самого молодого отца.

— Забава, — сказал он торжественно.

И замолчал. Потому что увидел детей. Все пять свёртков лежали рядом.

Семён моргнул. Потом ещё раз.

— Они... — начал он.

— Да, — сказала Забава.

Семён подошёл ближе, медленно, почти почтительно, как человек, который входит в лабораторию, где стоит установка стоимостью в три годовых бюджета института и одно неверное движение может уничтожить науку. Он наклонился над детьми.

— Они совершенно одинаковые, — прошептал Семён.

— Я заметила, — сказала, улыбаясь Забава.

— Генетически это объяснимо.

— Семён.

— Что?

— Сегодня не объясняй.

— Хорошо, сказал Семён, вместо привычного «угу». Он выпрямился, поправил очки и вдруг улыбнулся. Не растерянно. Не виновато. А счастливо. По-настоящему. Так широко, что Забава даже забыла на секунду, как сильно она боится.

— Я отец, — сказал он.

— Пятерых, — уточнила Забава.

Улыбка Семёна чуть дрогнула, но удержалась.

— Да. Это важное уточнение.

В этот момент в палату вошла медсестра.

Она была женщина опытная, крепкая, с лицом человека, который видел всё: молодых отцов в обмороке, бабушек с фотоаппаратами, дедушек с коньяком в кармане, матерей, которые плакали над каждым бантиком, и младенцев, которые портили праздничные конверты за две минуты до выхода.

Но даже она, увидев Семёна и Забаву рядом с пятью свёртками, вздохнула.

— Ну что, родители. Забираете своё богатство?

— Забираем, — сказала Забава.

Голос у неё дрогнул.

Медсестра профессионально улыбнулась.

— Тогда распределяем.

Это слово прозвучало неожиданно серьёзно.

Как будто речь шла не о младенцах, а о стратегических объектах.

— Мамочке одного, папочке одного, — начала медсестра.

Семён кивнул.

— Логично.

— Остальных троих кто несёт?

В палате стало тихо.

Очень тихо.

Семён посмотрел на Забаву.

Забаву посмотрела на Семёна.

Пять свёртков лежали и, кажется, тоже ждали ответа.

— Я могу взять двух, — неуверенно сказал Семён.

Медсестра посмотрела на него оценивающе.

— Вы одного сначала возьмите.

Семён вытянул руки.

Ему дали младенца.

Он замер.

Полностью.

Даже дышать перестал.

— Дышите, папаша, — сказала медсестра. — Ребёнку нужен живой отец.

Семён осторожно вдохнул глоток воздуха.

— Он очень маленький.

Забаву взяла второго.

— Ну вот, — сказала медсестра. — Уже хорошо.

Оставалось трое.

Тут в палату, как скорый поезд Москва — Владивосток, влетела Аглая, схватила двух малышей одним рывком, глянула на ошеломлённых присутствующих, быстро оглядела всех и кивнула медсестре: «Бери Спартака и вперёд». Удивительно, но каким-то волшебным образом она различала малышей и уже дала им имена.

Аглая по случаю торжества облачилась в яркий платок и длинную цветастую юбку, с бусами, с амулетом на груди, с огромной сумкой через плечо и с таким выражением лица, будто роддом был не медицинским учреждением, а сценой, на которую она наконец получила законное право выйти в главной роли.

Тут же Аглая начала командовать.

— Так. Семён, локоть выше. Ты не пробирку несёшь, а сына.

Аглая несла младенцев торжественно. Одного на правой руке. Другого на левой. И выглядела при этом увереннее, чем вся остальная процессия вместе взятая. Видимо, поэтому её и выписали в помощь как журнал «Мурзилку» для пятерых мальчиков.

Медсестра проводила шествие до выхода, весь персонал родильного дома выстроился вдоль стен и негромко, чтобы не разбудить малышей, хлопал в ладоши, словно труппе комедиантов, блестяще отработавшей антрепризу и вышедшей на поклон.

Предусмотрительная Аглая привезла с собой переноску, в неё устроили Спартака.

Переноска была обшита какими-то красными лентами, на ручке висел маленький колокольчик, а внутри лежала вышитая пелёнка.

— Это что? — спросила Забава.

— Охранный транспорт, — ответила Аглая. — От сглаза, сквозняка и глупых советов.

— А колокольчик зачем?

— Чтобы судьба слышала, куда несут.

Семён осторожно посмотрел на переноску.

— С точки зрения акустики...

— Семён, — сказала Забава.

— Молчу.

Выписка началась.

Фотограф роддома, бодрый мужчина с камерой и красным носом, сначала радостно готовился к стандартной работе: мама, папа, ребёнок, цветы, улыбка, бантик, снимок.

Потом увидел пять свёртков перевёл взгляд на Аглаю.

Глава 13. Порог новой жизни

И на его лице появилось выражение профессионала, который понял: сегодня стандартный пакет услуг не выдержит нагрузки.

— Так, — сказал фотограф. — Давайте красиво.

— Красиво уже есть, — сказала Аглая. — Давайте достоверно.

Достоверно получилось сразу.

Семён держал одного ребёнка так осторожно, будто у него в руках был хрустальный младенец с ядерным реактором внутри. Забава держала второго и улыбалась сквозь слёзы. Аглая стояла между ними с двумя свёртками на руках, как полководец после успешной кампании. Пятый младенец лежал в переноске и, судя по выражению лица, не одобрял композицию.

Фотограф сделал первый снимок. И тут видимо сработал тот же рычаг, который ещё на первом УЗИ был вынесен предупреждением на запрет фото-видеофиксации без письменного разрешения. Один из младенцев пискнул. Второй тут же подхватил. Третий сморщился. Четвёртый возмущённо дёрнул рукой. Пятый, тот самый в переноске, открыл рот и выдал такой боевой крик, что фотограф от неожиданности нажал кнопку ещё четыре раза подряд. Аглая, быстро пробежавшись по рядам, остановила взгляд на мужчине в белом халате, одними глазами призвала его взять люльку со Спартаком и участвовать в фотосессии. Как только Спартак почувствовал, что он не одинок, довольно покряхтел и затих.

— Отлично! — сказал фотограф. — Живые эмоции!

И сделал ещё несколько снимков.

Аглая хмыкнула.

На крыльце роддома их встретил воздух. Обычный московский воздух.

С запахом мокрого асфальта, машин, пыли, сирени из соседнего палисадника и новой жизни, которая почему-то пахла ещё и детским кремом. Забава вышла первой. На руках у неё был сын. Семён вышел следом, держа второго. Аглая несла третьего и четвёртого.

Пятого в переноске нёс мужчина в халате с таким видом, будто он уже член семьи.

У машины началась новая проблема. Потому что детей нужно было разместить в безопасных автолюльках, которые Семён оборудовал заранее. Пять автолюлек занимали почти всё пространство машины, вымеренное научно-эргономическим путём с учётом инженерной мысли, средней скорости автомобиля и центра тяжести.

Теперь же выяснилось, что теория была прекрасна, но практика требовала больше рук.

— Вот этот ремень сюда, — суетился Семён. — Нет, подождите. Если натяжение...

Один младенец заплакал. Потом второй. Потом третий. Потом четвёртый.

Пятый молчал, но молчал так выразительно, что всем было ясно: он недоволен качеством логистики данной пассажирской перевозки.

Аглая отодвинула Семёна плечом.

— Всё. Наука уступает место опыту.

— Но инструкция...

— Инструкция писалась людьми, у которых один ребёнок. Максимум два. Они морально не готовы к нашему случаю.

Через пять минут дети были пристёгнуты.

Семён стоял рядом, ошарашенный скоростью операции.

— Как вы это сделали?

— Руками, — сказала Аглая. — Очень полезный инструмент. Попробуй как-нибудь между формулами.

Машина тронулась. Семён вёл осторожно. Очень осторожно.

Так осторожно, что их обогнала бабушка с тележкой.

Забава сидела рядом и каждые десять секунд оборачивалась.

На заднем сиденье, в автолюльках, лежали пять младенцев.

Аглая втиснулась между ними, каким-то невозможным образом, занимая минимум пространства, словно часть её кратковременно перешла в параллельный мир либо атомы её тела так прижались друг к другу, что объём уменьшился в два раза.

Во дворе дома их уже ждали любопытные соседи, но самым главным, ожидающим был кот Мухтар, которого не взяли в роддом. Накануне он с надеждой забрался в передник Аглаи, но она потрепала его за ухо и сказала: «Остаёшься за главного». Мухтар расстроился, но со свойственной ему сдержанностью лорда и присущими манерами истинного аристократа он проглотил обиду и теперь сосредоточенно встречал вновь прибывших домочадцев.

Соседки стояли у подъезда плотной группой, как общественный комитет по приёму невероятного.

— Вон они! — прошептала одна.

— Пятеро, говорят.

— Одинаковые?

— Однояйцевые.

— Это как?

— Не знаю, но звучит пугающе.

Когда Забава вышла из машины с младенцем на руках, соседки дружно ахнули.

Когда вышел Семён со вторым, ахнули ещё раз.

Когда из машины выбралась Аглая с двумя, на секунду наступила полная тишина.

Из припаркованной чуть в стороне машины выбежал тот самый медицинский работник.

Он счёл своим долгом проводить малыша до дома — то ли из-за повышенной ответственности, то ли потому, что до сих пор находился под воздействием чар Аглаи.

Когда он вынес пятого ребёнка, одна из соседок перекрестилась.

— Господи, — сказала она. — Да у них оптовая поставка.

— Это не поставка, — строго сказала Аглая. — Это родовое явление.

Соседки сразу притихли. С Аглаей во дворе уже никто не спорил. После того как она однажды выгнала из подъезда странный запах словами «вон из жилища до самого днища», а запах действительно исчез, жильцы решили соблюдать нейтралитет.

Подняться на первый этаж было невысоко.

Но когда у всех руки заняты младенцами, сумками и букетом, который Семён держал локтем, даже первый этаж вырос неприступным Эверестом.

У двери квартиры они остановились.

И тут выяснилось главное. Ключи оказались у Семёна в кармане брюк. А руки у Семёна были заняты ребёнком. Полностью.

— Ключи, — сказала Забава.

Семён посмотрел на неё.

— У меня.

— Достань.

Он посмотрел на ребёнка.

Потом на свои руки.

Потом на карман.

— Теоретически...

— Только не начинай, — сказала Забава.

Аглая стояла рядом с двумя младенцами и смотрела на них с весёлым, совершенно довольным лицом.

— Ну что, молодые родители. Первый семейный квест.

Забава вдруг тихо фыркнула.

Семён посмотрел на неё.

— Что?

Она снова фыркнула.

Потом прикрыла рот плечом, чтобы не разбудить ребёнка, и начала смеяться.

Тихо.

Почти беззвучно.

Сначала от усталости.

Потом от счастья.

Потом от всего сразу.

Семён тоже не выдержал.

Он стоял перед собственной дверью, с младенцем на руках, с букетом подмышкой, с ключами в кармане и с таким лицом, будто Нобелевская премия по бытовой беспомощности уже нашла своего лауреата.

И засмеялся.

Тоже тихо.

Осторожно.

Чтобы не разбудить пятерню.

Аглая усмехнулась.

Мухтар сел у порога, поднял свой удивительный хвост и медленно повернул кончик к двери, будто указывал путь.

— Ну, — сказала Аглая голосом мягче обычного. — Вот и пришли.

Забава посмотрела на Семёна. Семён посмотрел на Забаву.

В их взглядах было всё: страх, нежность, недосып, растерянность, любовь, ужас перед будущим и совершенно дикое счастье, которое невозможно было объяснить нормальными словами. За дверью была старая квартира, но с новым ремонтом. Новые кровати и супер-няня, изобретённая Семёном, а в ванной по-прежнему жила зелёная жижа. Семён наконец ухитрился двумя пальцами вытащить ключ. Не уронив ребёнка. Это уже можно было считать первым крупным отцовским достижением. Ключ вошёл в замок. Повернулся.

Дверь открылась. Они стояли на пороге все вместе. Молодые папаша и мамаша.

Счастливые. Испуганные. С руками, занятыми своей пятернёй. Аглая наклонилась к детям и торжественно, почти шёпотом сказала:

— Добро пожаловать в новую жизнь.

Глава 14. Имена, данные свыше

Первые три дня после выписки молодая семья Звонарёвых жила в состоянии, которое врачи обычно называют адаптацией, соседи — кошмаром, а сами родители — «мы уже не понимаем не только какое сегодня число, но и какое время суток».

Квартира изменилась окончательно. Раньше здесь жили два человека. Теперь обитали: пять младенцев, молодая мать на грани нервного истощения, молодой учёный в состоянии хронического изумления, эксцентричная Аглая, Максим Петрович, оказавшийся врачом неонатологом, который так проникся ситуацией, что не мог остаться в стороне, всё своё свободное время он проводил у Звонарёвых. Так у пятерни появился свой личный врач. Но самым адекватным в семье был Мухтар.

Спали урывками. Ели на ходу. Разговаривали шёпотом.

И только Аглая чувствовала себя прекрасно.

Она летала по квартире как тяжёлый, но чрезвычайно энергичный дирижабль судьбы, успевая при этом строить глазки Максиму Петровичу.

— Так, этого покормили.

— Этот уже снова проголодался.

— А этот просто кричит за компанию, характер показывает.

— Семён, не стерилизуй бутылочки с таким лицом, будто обезвреживаешь радиацию.

— Забава, ешь нормально. Ты кормишь не одного ребёнка, а футбольную команду без запасных.

Семён пытался помогать. Честно. Но пока у него получалось в основном удивляться. Особенно — детям. Они были одинаковые. Абсолютно. Совершенно. Даже родная мать не могла различить.

Забава несколько раз подползала ночью к кроваткам и шёпотом спрашивала:

— Семён... это который?

Семён смотрел. Долго. Очень внимательно. Потом говорил:

— Мальчик.

— Я вижу, что мальчик! Мы его уже покормили или нет?!

Семён решил наклеивать на кроватки распознавательные знаки после каждого ночного кормления ребёнка, но коллективный разум и цепная реакция делали своё дело слишком хорошо, когда просыпался один малыш и начинал плакать, тут же подхватывали остальные, всех приходилось доставать из кроваток перекладывать в люльки, а на этом этапе уже было бесполезно пытаться выяснить, кто накормлен, а кто нет и уж тем более, кто Дионисий, а кто Аполлон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.